

*Долакова М.И.,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры «Всемирного культурного наследия»
Казанский федеральный университет
Россия, г. Казань
Кошурников П.Н.,
студент,
2 курс, факультет «Всемирного культурного наследия»
Казанский федеральный университет
Россия, г. Казань*

**РАЗВИТИЕ КОВРОТКАЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОМЫСЛА В СРЕДНЕЙ АЗИИ (ВТОРАЯ
ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)**

***Аннотация:** В статье анализируется включение среднеазиатского ковроткачества в рыночное пространство Российской империи через купеческие закупки, выставочную деятельность и административные практики. Коммерциализация промысла, особенно в Закаспии, привела к расширению сбыта, но сопровождалась дискуссиями о падении качества и изменении традиционного уклада. Выставочная инфраструктура конца XIX века выступила ключевым посредником между локальными производителями и имперским потребителем. В итоге под влиянием выставок, администрации и коллекционеров ковер превратился из предмета быта и племенного маркера в элитарный товар и символ имперской «восточной» витрины.*

***Ключевые слова:** Ковроткачество, Российская империя, Туркестан, Закаспийская область, кустарные промыслы, выставки.*

Annotation: *The article analyzes the integration of Central Asian carpet weaving into the market space of the Russian Empire through merchant purchases, exhibition activities, and administrative practices. The commercialization of the craft, particularly in the Transcaspian region, led to expanded sales but was accompanied by discussions about declining quality and changes to the traditional way of life. The exhibition infrastructure of the late 19th century served as a key mediator between local producers and the imperial consumer. Ultimately, under the influence of exhibitions, administration, and collectors, the carpet was transformed from an object of daily use and a marker of tribal identity into a high-value commodity and a symbol of the empire's "oriental" showcase.*

Key words: *Carpet weaving, Russian Empire, Turkestan, Transcaspian region, handicrafts, exhibitions.*

Введение

Ковроткачество Средней Азии — один из наиболее устойчивых видов традиционного производства, тесно связанный с кочевыми и полукочевыми хозяйственными укладами, а также с городскими центрами ремесла и торговли. Включение региона в состав Российской империи во второй половине XIX века изменило внешние условия существования промысла: транспортная инфраструктура, новые каналы сбыта, выставочная политика и административная статистика создали иные рамки для функционирования «домашнего» ремесла. При этом ковёр оказался на пересечении трёх логик: (1) локальной — как предмета быта и маркера группы; (2) рыночной — как товара, поддающегося стандартизации и оценке качества; (3) символической — как репрезентации «Востока» в имперском дискурсе выставок и музеев.

Цель статьи — проследить основные направления трансформации ковроткачества в имперский период на примере Средней Азии и показать, как институты (выставки, администрация, коллекционеры и исследователи)

влияти на динамику промысла. Источниковую основу составляют: материалы о выставках и их роли в экономической политике империи, статистико-административные сюжеты о Закаспийской области, библиографические и коллекционные свидетельства о раннем изучении ковров, а также публикации, отражающие восприятие среднеазиатского ковра на выставках.

Источники и методика

Методологически работа опирается на историко-системный подход: ковроткачество рассматривается как часть социально-экономического комплекса (скотоводство/земледелие, трудовые роли, торговля), который менялся под влиянием имперского управления и рынков. В качестве ключевых источников используются:

исследования об имперской выставочной политике в Центральной Азии конца XIX — начала XX века (включая перечень крупных выставок 1872, 1890, 1891, 1896, 1909 гг. и т. п.) и их экономико-культурной функции;

материалы о развитии коврового производства в Закаспийской области, основанные на анализе «Обзоров Закаспийской области» (1892–1914) и архивных данных, включая сведения о закупках, росте производства и участии ковров в выставках;

дореволюционную библиографическую традицию изучения ковров Русского Туркестана и Средней Азии, фиксирующую формирование корпуса литературы и интереса специалистов;

сведения о коллекционировании и музейной работе (в частности, о фигуре С.М. Дудина как собирателя и знатока ковров Средней Азии);

библиографическую фиксацию одного из ранних специализированных альбомов/изданий по среднеазиатским коврам из российской коллекции (А.А. Боголюбов).

1. Среднеазиатский ковёр накануне «имперского рынка»: функция и структура промысла

До активного включения региона в орбиту имперской экономики ковёр в Средней Азии существовал прежде всего как предмет повседневного и ритуального быта: покрытие пола и стен, элементы убранства жилища (юрты/дома), утилитарные изделия (мешки, торбы, дорожки), а также престижные вещи, включённые в обмен и брачно-семейные практики. В кочевой и полукочевой среде ковроткачество опиралось на доступность шерсти и красителей, распределение труда внутри домохозяйства и длительный цикл изготовления. Важно, что ковёр не был «самоцельным» художественным объектом в современном смысле; его «эстетика» была встроена в социальную функцию и традицию орнамента как системы знаков, узнаваемой внутри общины.

Имперская эпоха не уничтожила эти основания автоматически, но сделала видимым (для внешнего наблюдателя и рынка) то, что ранее было локально-коммунитарным. Отсюда — двойственность дальнейших процессов: традиционные формы продолжают воспроизводиться, но оценки качества, спрос и вкусовые ожидания всё чаще задаются внешним покупателем и институтами репрезентации (выставками, музеями, коллекционерами).

2. Коммерциализация и «внешний спрос»: Закаспийская область как узел торговли коврами

Особенно показательна динамика в Закаспийской области после её образования (1881). Исследования, основанные на «Обзорах Закаспийской области» и региональных архивах, фиксируют резкий рост интереса российских и иностранных купцов к туркменским коврам как к товару для внутреннего рынка и экспорта. При этом подчёркивается, что высокий спрос конца XIX века был связан с качеством изделий, произведённых ещё до окончательного установления имперской власти в регионе.

Одновременно источники отмечают ухудшение качества в последние десятилетия XIX века и объясняют это не «утратой мастерства», а сдвигами в хозяйственной базе и укладе жизни: сокращение поголовья скота из-за военных кампаний и мобилизации транспортных ресурсов, вынужденные миграции части населения, переход части скотоводов к более оседлому образу жизни и рост нагрузки на женский труд (включая работы, связанные с хлопководством).

Параллельно наблюдался рост денежной оценки продукции и вовлечение ковра в рыночные цепочки. В одном из статистических примеров указывается увеличение сумм реализации ковровых изделий в Красноводском уезде: с 94 000 руб. (1891) до 128 211 руб. (1895), а также рост производства в одном из приставств за тот же период с 40 до 460 единиц. Эти цифры важны не столько сами по себе, сколько как индикатор превращения ремесла в значимый сегмент регионального товарного оборота.

Таким образом, в Закаспии ковроткачество встраивалось в экономику не только через «купеческий спрос», но и через административную оптику статистики: ковёр становился измеряемым, сопоставимым и управляемым объектом.

3. Выставки как механизм интеграции промысла и производства «имперского взгляда»

Выставочная инфраструктура конца XIX века была одним из наиболее эффективных инструментов «перевода» локального ремесла в язык имперской экономики и культуры. Исследование о туркестанских промышленных и сельскохозяйственных выставках показывает, что выставки рассматривались государством и администрацией как средство привлечения капитала и интереса промышленников к региону, а также как площадка демонстрации достижений и ресурсов края. В перечне ключевых событий названы Московская политехническая выставка 1872 г., Туркестанская

выставка в Ташкенте 1890 г., Среднеазиатская выставка в Москве 1891 г., Всероссийская выставка в Нижнем Новгороде 1896 г. и др.

Для ковроткачества значение выставок было тройным.

Во-первых, выставки стандартизировали «видимость» ковра: изделие попадало в систему сравнения, награждений и экспертных оценок.

Во-вторых, выставки расширяли рынок: ковёр становился узнаваемым для публики, посредников и коллекционеров, а награды повышали его «коммерческую репутацию».

В-третьих, выставки закрепляли ориенталистскую рамку восприятия: ковёр демонстрировался как «квинтэссенция Востока», эстетизируемая и отделяемая от социального контекста производства.

Характерно, что региональные источники по Закаспию фиксируют участие ковров в широкой географии выставок и подчёркивают, что администрация рассматривала выставочную активность как фактор «подъёма ковроделия» и мирового спроса. Указывается участие ковров в выставках 1891 (Москва), 1896 (Нижний Новгород), а также в ряде экспозиций начала XX века, включая зарубежные.

В публицистических описаниях выставок встречается иерархизация внутри самой «Средней Азии»: подчёркивается, что лучшие ковры связывались с Бухарой, Хивой и туркменами Закаспийской области, тогда как продукция собственно Туркестанского края могла оцениваться как более «грубая» (включая паласы). Это свидетельство важно как отражение выставочного вкуса и торгово-экспертных представлений того времени, которые влияли на спрос и, вероятно, стимулировали ориентацию производителей на внешнюю оценку.

4. Административные меры и «экономика качества»: от сырья к наградам

Коммерциализация ковра почти неизбежно ставила вопрос качества и «управляемости» промысла. Материалы по Закаспийской области

показывают, что ухудшение качества связывали с сырьевой базой (скотоводство, шерсть), изменением режима труда и хозяйственными реформами.

Ответом становились меры, которые можно описать как раннюю форму «политики качества»: стимулирование участия в выставках, поощрение премиями и наградами, формирование «правильного вкуса» у производителей через внешнюю оценку. В источнике прямо упоминается установка администрации «приучать» к стремлению получать премии и награды за ковровые изделия, что фактически означает внедрение внешнего критерия ценности, помимо традиционного.

Здесь важно подчеркнуть противоречие. С одной стороны, выставочные награды и рост спроса действительно могли поддерживать промысел в условиях хозяйственных потрясений. С другой стороны, ориентация на рынок и награды подталкивала к тиражированию удачных «образцов», к ускорению производства и к замене материалов/технологий, что могло восприниматься как утрата «подлинности» и снижать качество в глазах знатоков.

5. Коллекционирование и наука: превращение ковра в «объект знания»

Второй крупный механизм имперской трансформации промысла — появление устойчивого интереса коллекционеров и специалистов, сопровождавшееся публикациями, каталогами и музейным сбором. Показательно, что в начале XX века фиксируется выпуск специализированных изданий по среднеазиатским коврам из российских собраний. В электронной записи НЭБ отражено издание «Ковровые изделия Средней Азии из собрания, составленного А.А. Боголюбовым» (1908), что демонстрирует институционализацию темы и перевод ковра в формат альбомного/каталожного знания.

Параллельно формируется и библиографическая инфраструктура. Так, в «Библиографическом указателе по ковровым тканям Азии» отмечается, что данный указатель впервые был опубликован в 1911 г. как приложение к статье А.А. Семёнова о коврах Русского Туркестана, напечатанной в «Этнографическом обозрении»; подчёркивается интерес специалистов и любителей к подобным материалам.

Сам факт появления таких работ важен как индикатор: ковёр становится предметом не только торговли, но и дисциплинарного описания — классификаций, атрибуций, сравнений орнамента и техники.

Существенную роль в «музефикации» и научной оптике играли собиратели. Российский этнографический музей, например, характеризует Самуила Мартыновича Дудина как крупного специалиста по вопросам восточного искусства, прежде всего керамики и ковров Средней Азии, подчёркивая масштаб его собирательской деятельности. В результате ковёр одновременно «отрывался» от повседневной среды и получал новую форму существования — музейную, где ценность закреплялась через происхождение, типологию и художественную экспертизу.

6. Итоги: логика имперского включения и локальная устойчивость

Рассмотренные материалы позволяют сделать несколько выводов.

Имперский период усилил внешнюю зависимость промысла от рынков и инфраструктуры репрезентации. В Закаспии рост купеческих закупок и расширение участия в выставках сопровождались превращением ковра в экспортно-ориентированный товар.

Выставки выступили центральным медиатором между локальной традицией и имперским потребителем, одновременно выполняя экономическую (привлечение интереса и капитала) и культурно-символическую (конструирование образа «Востока») функции.

Дискуссия о качестве в конце XIX века отражает структурные изменения, связанные с сырьём, трудом и хозяйственным укладом, а не просто «упадок ремесла».

Коллекционирование и научное описание закрепили новый статус ковра: изделие стало объектом знания и музейной ценности, что усилило интерес к атрибуции и классификации и сформировало самостоятельное поле «ковроведения» на рубеже XIX–XX вв.

В целом развитие ковроткачества в Средней Азии в составе Российской империи следует понимать как процесс двойной трансформации: экономической (коммерциализация и расширение рынка) и культурной (репрезентация на выставках, в музеях и научной литературе). Именно их взаимодействие определило траекторию промысла на рубеже веков: сохранение традиционных форм при одновременном изменении условий производства, оценки и обращения.

Список литературы:

1. Закирова, М. Х. Туркестанские промышленные и сельскохозяйственные выставки как фактор имперской российской политики в Центральной Азии в XIX–XX вв. / М. Х. Закирова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. — 2024. — № 2. — С. 60–82.
2. Моммалиева, А. К., Бердиева, Г. М. Развитие ковроделия в Закаспийской области и выставочная активность в конце XIX — начале XX вв. / А. К. Моммалиева, Г. М. Бердиева // *Bylye Gody*. — 2025. — Т. 20. — № 3. — С. 1345–1358.
3. Семёнов, А. А. Ковры Русского Туркестана / А. А. Семёнов // Этнографическое обозрение. — 1911. — № 2. — С. 25–48.
4. Семёнов, А. А. Указатель литературы о коврах Азии / А. А. Семёнов // Библиография Востока. — 1935–1936. — Вып. 8–9. — С. 97–112.

5. Ковровые изделия Средней Азии из собрания, составленного А. А. Боголюбовым. — СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1908. — 32 с.
6. Дудин, С. М. Среднеазиатские ковры и ковровые изделия / С. М. Дудин. — СПб.: Издание Императорского Русского географического общества, 1902. — С. 15–54.
7. Русский Туркестан: Среднеазиатская выставка в Москве / под ред. В. П. Наливкина. — М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1891. — С. 40–65.
8. Туркестан на Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 года в Нижнем Новгороде. — СПб.: Издание Министерства государственных имуществ, 1897. — С. 72–91.
9. Обзор Закаспийской области за 1895 год. — Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1896. — С. 118–134.